
ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

УЧЕНИЕ МАРКСА: УНИВЕРСАЛИЗМ И ГЛОБАЛИЗМ

К. М. Кантор

Нынешний мировой финансовый кризис – явление беспрецедентное и, может быть, впервые носящее отчетливо глобальный характер – среди прочего привел к одному забавному следствию: с полок книжных магазинов в странах Запада (где еще совсем недавно дальнейшее процветание либерального рынка не подвергали сомнению) стали сметать книги Карла Маркса. Интерес к Марксу едва ли можно назвать случайным. Все больше свидетельств тому, что мировой исторический процесс, если смотреть на него макровзглядом, начинает подчиняться широкому марксистскому предвидению. Так это или нет – вопрос серьезных научных и философских дискуссий.

Сегодня мы помещаем заметки о К. Марксе недавно ушедшего от нас выдающегося российского философа К. М. Кантора (1922–2008). Написаны они в первый год наступившего столетия, но, на наш взгляд, точно и остро бьют в существование нынешних проблем общей стратегии человечества. На деле эта статья – небольшая выдержка из масштабной историсофской работы автора «Двойная спираль истории. Историсофия проектизма» (М., 2002), в которой единому сквозному анализу подвергаются три великих течения мировой истории – христианство, возрожденческий гуманизм и марксизм.

Карл Моисеевич Кантор – человек необычной судьбы. Он родился в Аргентине, в семье русских эмигрантов. Когда ему исполнилось три года, его семья вернулась в СССР. Карл Кантор стал участником Великой Отечественной войны (как и его близкий друг А. А. Зиновьев, он был военным летчиком), после войны окончил философский факультет МГУ. Нелишне вспомнить, что в эти годы на факультете учились Борис Грушин, Александр Зиновьев, Владимир Зинченко, Эвальд Ильенков, Юрий Карякин, Юрий Левада, Мераб Мамардашвили, Иван Фролов, Георгий Щедровицкий и многие другие, оставившие заметный след в истории русской мысли второй половины XX века.

К. М. Кантор был одним из пионеров возрождения отечественной традиции по исследованию промышленного искусства, технической эстетики, проблем дизайна и маркетинга, но последние годы жизни в основном посвятил глубоким и оригинальным исследованиям в области философии истории.

Александр Кацура от имени редакции

1. Маркс и Христос

Исторические судьбы учения Маркса переплелись с историческими судьбами всего человечества. То, каким стал мир сегодня, в значительной мере определялось борьбой как за Маркса, так и против него, как стремлением воплотить в жизнь его учение, так и противодействием этому стремлению, как плодотворным развитием его идей, так и их искажением, опошлением, вульгаризацией. Учение Маркса сегодня, как и прежде, в центре мировых духовных противостояний.

Снова и снова ставятся вопросы: что же оно из себя представляет, в чем его сущность, каков его генезис, чем оно стало сегодня и какова его будущность? Обсуждению подвергаются и его политэкономия, и теория классов, и диалектический метод, и этика, и эстетика. Все эти вопросы – результат того, что учение Маркса является сложнейшим духовным образованием, наиболее всесторонним и наиболее глубоким со времен античности и Библии синтезом религии, искусства, научных знаний, философских идей, гуманистических идеалов. Его невозможно мерить обычной меркой науки или меркой философии, меркой идеологии. Оно является нерасторжимым единством всех основных форм духовно-практического и теоретического, рационального и интуитивного освоения действительности. Ему нет аналогов среди современных политэкономических, политологических, историсофских и иных научных дисциплин, современных учений, мировоззрений, концепций и доктрин.

Учение Маркса кто-то считает противоположным религии. Не соглашаясь с этим, допущу на минуту, что это так. Но чем же объяснить, что его духовное воздействие на массы сравнимо только с мировыми религиями? Убежденный противник марксизма, крупнейший религиозный английский историк Арнольд Тойнби признал, что по своему значению во всемирной истории Маркс должен быть поставлен в один ряд с Христом, Буддой, Мухаммедом, Лао-Цзы, Конфуцием, Ганди.

В отношении свободного развития индивида будущее представлялось Марксу не сужением, а расширением горизонтов индивидуальной свободы. Он предсказал Возрождение Возрождения.

Развитие Запада после Маркса шло не совсем так, как он предполагал: в каких-то отношениях оно опровергало иные его предположения, но все же в основных своих тенденциях оно двигалось по Марксу – через интенсивный научно-технический прогресс, превращение науки в непосредственную производительную силу, все большее освобождение трудящихся от рутинного труда, расширение сфер свободной самодеятельности, упрочение демократических институтов. А это куда важнее для обретения свободы, чем полицейски контролируемое «марксистское идолопоклонство».

Всего существовало три осмысленных (парадигмальных) проекта истории: религиозный христианский, эстетический ренессансный (раблезианский) и научный марксистский. Парадигмальной основой христианского проекта истории явился античный гуманизм. Парадигмальной основой второго великого проекта всемирной истории явился возрожденческий гуманизм. От античного гуманизма до появления христианства прошло примерно 300 лет. От кульминации ренессансного гуманизма до появления марксизма – столько же. Культуру эллиническую сменила культура эллинизма, культуру Ренессанса – то, что я назвал бы «возрожденческим эллинизмом», подразумевая под этим распространение западноевропейской цивилизации на заокеанский материк, а затем и по всему миру.

Ренессанс не столько второй парадигмальный проект истории, сколько все та же парадигма, которая в процессе ее исторического развертывания обогатилась смыслами первого парадигмального проекта – христианства, что и сделало возможным и необходимым создание третьего парадигмального проекта всемирной истории – марксизма.

В начале XXI столетия нельзя быть истинным марксистом, настоящим последователем Маркса, не будучи истинным христианином (последователем Иисуса Христа), как нельзя быть истинным христианином, не будучи истинным марксистом. Речь, разумеется, идет о личном христианстве, не обусловленном какой-либо конфессией. Речь, разумеется, идет о личном марксизме, независимо

от какой-либо исторической формы марксизма, от «марксистской» или «марксистско-ленинской» (или «марксистско-маоистской» и т. д. и т. п.) партийной и государственной идеологии.

Наступило время синтеза вероучения Христа и учения Маркса. Для этого необходимы новая Реформация христианства и новая Реформация марксизма, новый возврат к первохристианству и возврат к первомарксизму (каковой еще никогда не осуществлялся). При этом синтез учения Христа и учения Маркса не может быть осуществлен за счет устранения из христианства Высшей творческой силы Вселенной. Возможен и необходим такой синтез, при котором признание Высшей духовной субстанции сохранится. Элиминирован может быть без ущерба для учения Маркса его атеизм. «Теология Освобождения» указывает на эту дорогу. Маркс и Энгельс постоянно соотносили свой проект как с античным и ренессансным гуманизмом (двумя спиралями парадигмы истории), так и с христианским проектом истории, намечая выход из вновь образовавшегося социального тупика.

Обновленное христианство и обновленный марксизм будут еще служить делу человеческой свободы (хотя и не в качестве государственных идеологий). Им нечего делить между собой: домен христианства – жизнь потусторонняя, домен марксизма – земная.

И разве полнота духовной жизни не в том, чтобы объединить небеса и землю?

2. Свободная личность как идеал парадигмального проекта истории Карла Маркса

Если не видеть преходящий характер переживаемой ныне эпохи, если не брать процесс в его целостности, если придерживаться метода генерализации индивидуальной ситуации, то пессимистический вывод относительно гуманистического хода истории становится неизбежным. И наоборот. Понимание рассматриваемого процесса в единстве его основных черт, не снимая полностью тревоги за судьбы человечества, предохраняет от довольно распространенных похоронных настроений, проявляющихся всякий раз, как только речь заходит о человеческой личности, ее свободе, духовности, цельности.

Обращение к Марксу в связи с проблемой человека и впрямь бесполезно, хотя и не как к автору сциентистского Апокалипсиса (как его изображают некоторые критики, не замечая, что в этой неуклюжей попытке умаления содержится комплимент учению, воспроизводящему на новом уровне не внешнюю мишуру воплощения и эмпирического бытования, а целокупность генотипических черт породившей его европейской социокультуры и истории). Оптимистическая эсхатология марксизма содержит в себе в отличие от своего религиозного аналога и прототипа идею неизбежной смены исторических форм жизни, разделяемому современной наукой.

Я не имею в виду противопоставить Маркса-ученого Марксу-моралисту, политического борца – гуманисту, социального обличителя – провидцу. Напротив, я исхожу из необходимости брать учение Маркса в единстве всех его разнонаправленных определений, усматривая в его поливалентности адекватное выражение богатства, рожденного синтезом азиатских и европейских, античных и иудаистских духовных оснований и представлений.

Аттестовать марксистский проект только лишь как выражение европейской идеи свободы личности – значит упрощать не только учение Маркса, но и европейскую социокультуру. Столь любимые Марксом идеи организации человека

и борьбы за свободу принадлежат европейской социокультуре не в меньшей степени, нежели идея абсолютного достоинства самоцельной личности.

Когда христианскую мораль противопоставляют «непоследовательности» марксистского гуманизма, «подпорченного» идеей классовой борьбы, забывают, что и человеколюбие Евангелия не безупречно, что заповедь любви к ближнему подкрепляется угрозой возмездия за неследование этой заповеди. Впрочем, на том основании, что Христос верил в вечное наказание инакомыслящих в загробной жизни, не следует отказывать в моральной ценности христианству (как это пытался делать Бертран Рассел), также как не следует и пытаться, реставрируя «подлинный» текст Священного Писания путем устранения из него всего несовпадающего с чистотой всепрощающего добра (как это делал Лев Толстой), доказывать его нравственную безусловность. Стремление к преодолению противоречий свойственно европейскому сознанию, но ему присуща и страсть к порождению противоречий.

Для европейской культуры, двумя историческими полюсами которой являются христианство и марксизм, характерна борьба противоречий внутри самого гуманистического идеала, ибо в *нем самом* человек выступает как себе довлеющий, но также как следствие внешних причин. И если Маркс действительно представляет западную философскую традицию, как говорит Э. Фромм, то не потому только, что он верит в индивидуальную свободу не только от гнета экономической бедности, но и от духовного обнищания, но и потому, что для него путь к этому состоянию лежит через борьбу и ограничения свободы, потому, что само это состояние духовной свободы принадлежит лишь царству необходимости, возвышающемуся над социокультурной организацией материального производства, внутри которой человек вынужден вести себя как подчиненный ее организации элемент. Пытаться полностью устранить эти противоречия – пустая затея; это противоречия не логического мышления, а социокультуры.

«Гражданин мира», как он сам себя называл, Маркс действительно сумел собрать в себе, в своей личности и в своем учении распавшиеся и ослабевшие в своем разъединении части европейского духа культуры: способность исторического проектирования и рационального практического расчета, служение долгу, максимы «подвергай все сомнению» и «ничто человеческое мне не чуждо», а также то, что выразил столь близкий ему по духу Данте: «Следуй своей дорогой, и пусть другие говорят что угодно».

Проблема человека стала для Маркса не темой моралистических декламаций, а делом науки и революционной практики. Учение Маркса кладет начало новой культуре, уже не европейской, остающейся при всем своем «индивидуализме» и «полифонизме» обособленным пространством, а научному парадигмальному проекту мировой истории, то есть культуре *всемирно-личностной*, и именно поэтому способной укорениться и в иных культурных пространствах. В этом плане можно считать абсолютно принципиальным тезис Маркса о том, что *свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех*.

3. Глобальный характер учения Маркса

Ни одна из мировых религий не стала верой всех народов мира: христианство, ислам, буддизм локализовались в обширных, но вполне определенных регионах мира. Что же касается учения Маркса, то оно распространилось буквально на весь мир, оно нашло для себя почву как в странах христианских, так и в странах, исповедующих ислам, буддизм, индуизм, шаманизм. В странах самозванного «социализма» как на Западе, так и на Востоке на вульгаризированный марксизм опирались государства так называемой «социалистической» ориентации (на короткое,

к счастью, время). Многие положения учения Маркса, чаще всего искаженные, используются и в некоммунистических партиях, даже таких как социалистическая в ФРГ, официально исключившая учение Маркса из своих программ. Творческое наследие Маркса так или иначе ассимилируется всеми формами современного социального и гуманитарного знания, независимо от того, стоят ли ученые или философы на позициях марксизма как целостного учения, принимают его частично или отвергают его. Это было признано такими столпами современной науки и философии, как Толкотт Парсонс и Клод Леви-Стросс, Дэниэл Белл и Раймон Арон, Мартин Хайдеггер и Карл Поппер. Даже современные теологи (как, например, Жак Эллюль или христианская подвижница мать Тереза) считали необходимым использовать многие Марксовы выводы относительно несправедливости современного общества, отчужденности труда и его установку на действенное отношение к жизни в своих сочинениях и проповедях.

Такого поистине всемирного распространения не знала ни одна предшествующая идеология – ни религиозная, ни светская. Однако сто лет для утверждения принципиально нового парадигмального проекта истории – срок ничтожный. За первые сто лет христианство еще не успело даже выработать окончательно своей догматики, еще не были написаны Евангелия; понадобилось триста лет, чтобы христианство стало государственной религией Римской империи, и еще сотни лет для его распространения как среди народов этой империи, так и среди других народов.

Тем более поразительна быстрота и интенсивность становления новой всемирной парадигмальной культуры, какой явилось учение Маркса. Но не следует обольщаться. Учению Маркса уже пришлось многое вынести, «пострадать», и более всего от мнимых его последователей; ему еще предстоит нелегкая дорога к его действительно всемирному признанию, адекватному его реальному содержанию. Удивительно не то, что марксизм до сих пор вызывает возражения, несогласия, злобу, стремление его опровергнуть, упразднить; удивительно не то, что появляются «воображаемые марксизмы» (Р. Арон), не то, что на марксизм пытаются взвалить ответственность за все те злодеяния, которые совершались от его имени (старый левый лейборист Тони Бенн заявил: если Иисус должен быть освобожден от какой-либо ответственности за мучительства и убийства, осуществленные инквизицией, то и с Маркса должны быть сняты любые обвинения за аресты и казни, совершенные в России по приказу Ленина, Троцкого, Сталина), – удивительно то, что, несмотря на все это, марксизм сохраняет свою притягательность для самых различных слоев населения во всех странах мира.

Это свидетельство того, что в учении Маркса содержится нечто, не поддающееся опровержению ни на основании обнаружения «логических несоответствий», ни на основании существующего до сих пор и неизбежного пока что (хотя и досадного) несоответствия практики и теории. Это свидетельство того, что в учении Маркса содержатся идеи и идеалы, отвечающие чаяниям современного человечества. Как ни бьются самые крупные умы Запада предложить миру что-либо равноценное, из этого ничего не получается.

Учение Маркса одновременно и чрезвычайно сложно, и необыкновенно просто, доступно.

Западная Европа никогда не была сплошь «марксистской», не «упивалась» им, как это имело место в России, но зато и не присоединилась к хору российских клеветников. Как бы резко ни критиковали учение Маркса и Энгельса на Западе, всегда это делалось достаточно корректно (за исключением нацистского периода в Германии).

Запад устами самого Збигнева Бжезинского уже давно признал великих теоретиков коммунизма своими сыновьями. Те же, кто считает, что марксизм на Западе ныне переживает новый ренессанс (первый имел место в 60-е годы ушедшего столетия), убеждены, что это стало возможным лишь благодаря тому, что Россия, ставшая на путь реставрации капитализма, отсеклась от учения Маркса официально и всенародно. (Фактически Ленин отсекся от марксизма еще в 1903 г.) Получается так, что Западная Европа снова принимает «блудных детей» К. Маркса и Ф. Энгельса под отеческий кров.

В связи с «открытием» в начале 70-х гг. экологического кризиса и прогнозированием возможной глобальной экологической катастрофы западный «культурный мир» впал в состояние самообличения и самоотрицания, доходящего до сердцевины, до основ западной цивилизации – до античной мифологии и философии, до христианства и возрожденческого гуманизма, из которых будто бы и возникли «злые силы» науки и технического прогресса, подрывающие природные условия человеческого существования. Вспомнили Шпенглера, предрекавшего гибель западной цивилизации, а ведь он как раз рассматривал учение Маркса как вернейший симптом заката. В крайних проявлениях либеральной самокритики учение Маркса предстало в качестве последнего и наиболее концентрированного продукта «человекобожеских», антиприродных ценностей западной культуры, ответственных за надвигающуюся экологическую катастрофу. Мартин Хайдеггер назвал марксизм вариантом «фаталистически трактованного технического мессианства».

В современных условиях, породивших уверенность, что все опасности для ставшего привычным образа жизни Запада миновали, что шпенглеровским пророчествам о гибели западной культуры и научным предвидениям Маркса о крушении капитализма не суждено сбыться, наиболее подготовленные к реалистической оценке сложившегося положения ученые вынуждены были иначе, чем прежде, отнестись к теоретическому наследию Маркса, то есть не просто как к величественному памятнику социальной мысли XIX в., интересному сегодня лишь для структуралистских «археологических изысканий». Шпенглер называл марксизм предвестником гибели западной цивилизации, сам же Маркс выступал как критик отнюдь не западной цивилизации как таковой, а капитализма, да и то не как абсолютного зла. Согласно Марксу, капитализм содействовал существенному прогрессу западноевропейской цивилизации, положил начало всемирному распространению ее ценностей, но стал в конце концов помехой для дальнейшего развития и самого Запада, и всего остального мира.

Тут было над чем задуматься, что выбирать. Является ли учение Маркса простым воспроизводством отдельных сторон (или даже целостности) европейской культуры или, сохраняя, а отчасти, может быть, восстанавливая нарушенную капитализмом ее тотальность, не является ли оно в то же время культурным зародышем, ядром новой, действительно всемирной общечеловеческой культуры?

Если западные экологи-алармисты ищут выход из кризиса западной цивилизации в отказе от коренных ценностей западной социокультуры в пользу даосизма, буддизма и соответствующего этим религиям старовосточного образа жизни, то реформаторы, подобные Майклу Харрингтону, предпочитают сбросить с терпящего бедствие корабля Запада балласт капитализма, чтобы сохранить корабль. Запад останется Западом, справедливо полагает Майкл Харрингтон, и после того, как «демократический социализм» придет на смену капитализму. Ради этого он и обращается к Марксу.

Книгу «Сумерки капитализма», самим названием полемизирующую со шпенглеровскими «Сумерками Запада», М. Харрингтон начинает знаменательным посвящением: «Будущности почти забытого гения: врагу любой догмы, защитнику человеческой свободы и демократическому социалисту – Карлу Марксу».

Следует иметь в виду, что у Харрингтона были и есть единомышленники. Среди них и те представители образованной Америки, которые еще вчера были убеждены, что Северная Америка навсегда останется исключением, что Марксовы «законы капитализма» писаны не про нее и потому марксистского социализма в Соединенных Штатах (как о том писал в начале прошлого века В. Зомбарт, а вслед ему, умножая его доказательства, Д. Белл) быть не может!

Маркс соединил то, что *было разорвано*, соединил в новом синтезе философию, науку, социальное проектирование, теорию и революционную практику и в этом смысле, если угодно, осуществил действительный разрыв со всей предшествующей историей западной культуры и возврат к ней на новом, высшем уровне по закону отрицания отрицания (который так не любят структуралисты) к тому состоянию знания и философствования, которое в античности воплотил в своем творчестве Платон. Вот историческая фигура, о которой следует вспомнить, когда мы пытаемся оценить масштаб переворота, осуществленного Марксом. Ибо подобно тому, как Платон начинал собой «историю философии» как обособленной от практики формы знания (она еще не обособилась вполне и была наполовину искусством, проповедью, моральным поучением, отчасти и руководством к действию), так Маркс завершал ее (объединив с наукой, искусством, руководством к действию, связав ее с революционной практикой).

Коренной недостаток современной марксологии (как западной, так и постсоветской) – в неспособности понять учение Маркса как новый парадигмальный проект истории, в котором преодолен разрыв теории и социального действия и который нельзя рассматривать вне контекста *глобального процесса исторического шествия человека к свободе*.

4. Свидетельства несогласных

Всемирное значение марксизма получает подтверждение в том влиянии, которое он оказал на высшие достижения немарксистской и антимарксистской мысли в философии, историософии, социологии, социальной философии. Марксу противопоставляли П. Струве, Н. Бердяева, С. Булгакова, М. Вебера, К. Поппера. Последнему приписывали заслугу разоблачения «нищеты» марксизма, несовместимости его с демократией, с открытым обществом. А Мартина Хайдеггера (может быть, самого крупного философа XX столетия) считали философским антиподом Маркса. Но вот что говорят о Марксе сами эти (и некоторые другие) мыслители.

Петр Струве: «*Универсализм* Маркса обострил его социологическое зрение. Так, он дал Марксу гениально схватить тот антагонизм между интересом рода и интересом индивида, который обнаруживается в фактическом и социальном развятии».

Николай Бердяев: «В марксизме меня всего более пленил историософский размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм мне представляется явлением провинциальным... Маркса я считал гениальным человеком и считаю сейчас».

Сергей Булгаков: «Под личиной холодного рационализма и теоретической жесткости в нем (марксизме) скрывается грусть человека о самом себе, тоска “царя природы” в плену у стихий этой самой природы, равнодушной, даже враждебной. В этом скорбном учении нашел выражение хозяйственный трагизм челове-

ской жизни, о чем и говорит экономический материализм, ибо что же это, как не проклятие, – эта неволя разумных существ у мертвой, неосмысленной, чуждой нам природы... Такова тоска, которая слышится в экономическом материализме, и такова правда, облеченная в его научный иероглиф».

Хосе Ортега-и-Гассет: «Я страстно с ним сражался, но это как раз свидетельствует о том, как я высоко его ценю... Какая изумительная иллюминация внезапно озарила сумрак прошлого, когда Маркс и его соратники бросили в эту гигантскую пещеру теней и отголосков факел своей отважной мысли».

Макс Вебер: «Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое эвристическое значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для сравнения с действительностью, но в равной мере знает то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или даже реальные действующие силы».

Карл Ясперс: «В наши дни стало совершенно очевидным, что от характера труда и его разделения зависят структура общества и жизнь людей во всех ее разветвлениях. Это понимал уже Гегель, а Маркс и Энгельс разработали это положение в своей теории, имеющей эпохальное значение».

Мартин Хайдеггер: «Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории... Абсолютная метафизика вместе со своими перевертываниями у Маркса и Ницше принадлежит истории бытийной жизни. Что исходит от нее, то нельзя ни сразить опровержениями, ни тем более устранить... Всякое опровержение в поле сущностной мысли – глупость. Спор между мыслителями – это любящий спор самой сути дела».

Карл Поппер: «Влияние Маркса на христианство можно, по-видимому, сравнить с влиянием Лютера на Римскую церковь. Если христианство встало сегодня на путь, отличный от того, которым следовало всего тридцать лет назад, то этим оно в немалой степени обязано влиянию Маркса».

Джон Гэлбрейт: «Маркс глубоко воздействовал и на тех, кто не принимал его системы. Его влияние распространилось на тех, кто предполагал, что были не подвержены этому влиянию... Одним из следствий отказа от неоклассической модели является возрождение интереса к теории марксизма...»

Альбер Камю: «Требую для труженика подлинных богатств, заключающихся не в деньгах, а в праве на отдых и свободное творчество, Маркс, в сущности, требовал восстановления достоинства человека».

Есть у него фраза, на редкость ясная и резкая, которая раз и навсегда отказывает его торжествующим ученикам в величии и гуманизме, свойственных ему самому: «Цель, нуждающуюся в неправедных средствах, нельзя считать праведной целью»».

Фридрих Энгельс: «Маркс настолько превосходит всех нас своей гениальностью, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что если бы кто-либо попытался критиковать его открытия, то он только бы обжегся на этом... Я вообще не понимаю, как можно завидовать гению. Это настолько своеобразное явление, что мы, не обладающие этим даром, заранее знаем, что для нас это недостижимо; но чтобы завидовать этому, надо уж быть полным ничтожеством».